

ОСНОВНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПОЛИТИКИ СТРУКТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Екатерина Владимировна СЛЕСАРЕНКО

старший преподаватель кафедры финансов и кредита,
Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачёва, Кемерово, Российская Федерация
slekvlad@mail.ru
ORCID: отсутствует
SPIN-код: 3763-4004

История статьи:

Получена 10.01.2018

Получена в доработанном
виде 28.01.2018

Одобрена 20.02.2018

Доступна онлайн 15.05.2018

УДК 330.3:338.2

JEL: O14, O25, O38

Аннотация

Предмет. Проблема совершенствования механизма регулирования пропорций в структуре национального хозяйства для России стоит особенно остро. Сложившиеся структурные диспропорции в российской экономике угрожают стране потерей экономической, технологической, политической суверенности и препятствуют достижению социальной справедливости. Решение представленной проблемы рассматривается как основа для обеспечения России выхода на траекторию прогрессивного и безопасного социально-экономического развития.

Цели. Выработка основных принципов и ориентиров стратегии структурной модернизации российской экономики, достигаемой путем целенаправленно проводимой государственной макроэкономической политики, в основе которой лежит курс на реиндустриализацию, и технологизацию национального хозяйства.

Методология. В работе использованы методы сравнительного и статистического анализа.

Результаты. Современная национальная экономическая система абсолютно непригодна для обеспечения прогрессивного и безопасного социально-экономического развития нашей страны. Продолжающаяся серьезнейшая деиндустриализация, технологическая деградация российской экономики, усиление финансовой дифференциации населения требуют принятия решительных действий правительства в отношении перспективного социально-экономического развития России. Основными принципами, положенными в основу стратегии структурной модернизации, должны стать: обеспечение преобразования экономики на эволюционных началах; усиление ключевой роли государства как двигателя структурной модернизации, основного субъекта регулирования механизма превращения сбережений в инвестиции и межотраслевого перелива капитала; всевозможная пропаганда этичного производства и потребления.

Выводы. Обеспечение структурной модернизации российской экономики возможно только при регулирующей роли государства, которая находит отражение в принципах и масштабах проводимой экономической политики. В основу политики структурной модернизации должно быть положено формирование эффективного механизма интенсивного развития экономики за счет реиндустриализации на базе высокотехнологического и технотронного становления национальных производительных сил с опорой на внутренний потенциал и ресурсы.

Ключевые слова:

структурная модернизация,
государственные
бюджетные фонды,
национальные корпорации,
государственно-частное
партнерство

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2018

Для цитирования: Слесаренко Е.В. Основные ориентиры политики структурной модернизации современной России // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2018. – Т. 14, № 5. – С. 897 – 912.
<https://doi.org/10.24891/ni.14.5.897>

В силу особенностей функционирования отечественной экономики в советский период

механизм регулирования пропорций в ее структуре не был совершенен, что заложило основы формирования структурных диспропорций в национальном хозяйстве. В ходе реформирования уже российской экономики в 1990-х гг. произошедшие

* Выражаю признательность своему научному руководителю, д.э.н., профессору кафедры экономики ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачёва» Наталье Викторовне ОСОКИНОЙ за ценные советы и замечания при подготовке данной статьи.

стихийным образом изменения в экономической структуре еще более углубили имеющиеся диспропорции, определив отсутствие долгосрочных основ для прогрессивного и безопасного развития [1].

Среди наиболее важных диспропорций, сложившихся за годы реформ в российской экономике, следует признать диспропорции отраслевой структуры. Так, удельный вес промышленного производства в отраслевой структуре ВВП России в настоящее время составляет порядка 49% против 87% соответствующего показателя в последние годы существования Советского Союза¹. Цифра не была бы столь критична, если бы не тот факт, что большая часть промышленного производства России приходится на сырьевой сектор, занимающийся добычей топливно-энергетических полезных ископаемых (значительная часть из которых отправляется на экспорт), их первичной переработкой и преобразованием в электроэнергию. При этом оборудование и оснащение для ТЭК в стране фактически не производится.

Суммарный топливно-энергетический комплекс занимает более 50% в структуре промышленного производства России, заметно превосходя показатели советского периода (около 12%), а также показатели многих индустриально развивающихся государств. Так, Китай, примерно сопоставимый с Россией по доле материального производства в отраслевой структуре народного хозяйства, обеспечивает себе масштабное развитие преимущественно за счет производства и экспорта готовой продукции. Из 53% приходящихся на промышленное производство в отраслевой структуре Китая, около 30% – это производство готовых изделий². Ориентация КНР на производство и экспорт товаров с высокой долей добавленной стоимости обеспечивает ей существенные

преимущества, поскольку цены на такую продукцию, особенно обладающую эксклюзивными потребительскими свойствами, менее подвержены колебаниям на внешнем рынке, а при улучшении качества имеют в динамике повышательную тенденцию, способствуя накоплению капитала в стране и увеличению благосостояния нации.

Стоит отметить, что в разные времена существенных долгосрочных успехов в социально-экономическом развитии сумели достичь те страны мира, которые создавали необходимые условия для индустриализации экономики. Германия, США, Япония, СССР, а позже Китай, Республика Корея поддерживали высокие темпы роста национальной экономики за счет масштабного индустриального развития. Примечателен и тот факт, что нынешний президент США Д. Трамп, понимая угрозы, ограничивающие развитие национальной экономики на основе чрезмерного роста финансового сегмента, в качестве важного приоритета своей деятельности провозглашает возвращение промышленного производства назад в страну и, соответственно, возвращение США статуса мирового производителя высокотехнологичной продукции³.

Вопреки представленным фактам, социально-экономическое развитие России до сих пор шло по экстенсивному пути, определяясь высокими ценами на энергоносители на мировом рынке и увеличивающимися объемами их экспорта. Однако в период рецессии и снижения цен на мировом рынке энергоресурсов в условиях сложившихся особенностей отраслевой структуры нашей стране не удалось сохранить достигнутый ранее рост, что обнажило серьезную зависимость от действия внешних факторов, свойственную периферийным моделям. Развитие экономики на основе добывающего сектора давно исчерпало себя еще и ввиду отсутствия каких-либо импульсов к инновационной деятельности вследствие сохраняющейся довольно высокой

¹ Рассчитано по данным: Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный стат. ежегодник. Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1987. 344 с.; Россия в цифрах 2017: стат. сб. М.: Росстат, 2017. 183 с.

² Россия и страны мира 2016: стат. сб. М.: Росстат, 2016. С. 85.

³ Трамп пообещал вернуть фразе *Made in USA* былое величие. URL: <https://ria.ru/world/20170126/1486584003.html>

рентабельности предприятий добычи и консервативности производственного процесса. Так, при достаточно высоких показателях изношенности основных фондов (порядка 54%) инновационная активность предприятий добычи полезных ископаемых в целом по промышленному производству в России остается одной из самых низких⁴.

Серьезным сдерживающим фактором в условиях экспортно-сырьевой модели функционирования экономики является исчерпаемость минеральных ресурсов, а также прогрессирующее загрязнение окружающей среды. Бесконтрольное наращивание объемов добычи природных ископаемых в условиях существенного износа фондов способно принести лишь сиюминутную выгоду собственникам данных предприятий, обернувшись для всего остального населения серьезными экологическими проблемами. Более того, неминуемое развитие альтернативных источников энергии, которые в самом ближайшем будущем создадут серьезную конкуренцию традиционным и, в конечном счете, вытеснят их, отвоевав большую долю на рынке, обеспечат перспективы развития тем государствам, которые будут способны их производить.

Таким образом, оценка современной структуры общественного производства России позволяет говорить о масштабной деиндустриализации национального хозяйства, усиливающейся на фоне критической технологической деградации. В результате национальная экономическая система, справедливо определяемая как «...компрадорская, экспортно-сырьевая, критически зависимая от иностранного капитала, несuverенная и архаичная...» [2], становится абсолютно непригодной для того, чтобы стать закономерной основой для выхода на траекторию прогрессивных изменений.

Необходимость противостояния углублению имеющихся угроз и вместе с тем снижения уязвимости российской экономики к действию

внешних факторов является важной задачей на пути сохранения экономической, технологической, политической суверенности и достижения социальной справедливости, решение которой не представляется возможной без корректировки экономической модели развития.

Смену модели развития, господствующей до сих пор в российской экономике, отстаивают и видные российские ученые. Так, С.С. Дзарасов отмечает, что *«требуется не латание дыр, а формирование новой модели социально-экономического развития, которая служила бы не интересам обогащения одних за счет лишения прав и собственности других, а открыла всем гражданам равный доступ к материальным и духовным благам общества»* [3]. С завидной регулярностью об этом говорят и С.С. Губанов, А.А. Амосов, Р.А. Кучуков, В.Т. Рязанов и многие другие ученые [2, 4–6]. *«Системный кризис неустраним ничем, кроме замены старой, архаичной и неэффективной экономической системы на исторически новую – прогрессивную, способную обеспечивать качественно более высокую степень системного сочетания экономической эффективности и социальной справедливости»* [2], замечает на этот счет С.С. Губанов.

Растущая значимость незамедлительного выбора новой модели развития России заметна и в политических кругах. Не так давно Президент РФ поручил представителям Столыпинского клуба разработать концепцию экономического развития страны, которая, по сути, должна стать альтернативой концепции А.Л. Кудрина. Представители Столыпинского клуба под председательством Б.Ю. Титова, как и многие в научном сообществе, отстаивают мысль о том, что *«старая, сырьевая модель уже не работает. Нефть больше не приносит тех доходов, которые были раньше. А значит, строить экономику нужно не на экспорте природной ренты, а на производстве и создании добавленной стоимости внутри страны»*. Кроме того, Б.Ю. Титов предостерегает, что структурные изменения не могут ждать ни года, иначе это

⁴Россия в цифрах 2017: стат. сб. М.: Росстат, 2017. С. 352–354.

чевато тем, что Россия окончательно свалится «в разряд второстепенных в экономическом плане стран»⁵.

В связи с этим наиболее адекватным шагом в отношении изменения экономической структуры должна стать разработка и реализация стратегии структурной модернизации, в основу которой положено формирование эффективного механизма интенсивного развития экономики за счет диверсификации народного хозяйства, и м п о р т о з а м е щ е н и я н а б а з е высокотехнологичного и технотронного становления производительных сил. Однако, как показывает практика, привести личные интересы всех участников хозяйственного процесса в соответствие с национальными интересами, выработать единую экономическую политику, отвечающую стратегии структурной модернизации – задача сложная, требующая продуманности и осторожности. Решить подобную задачу под силу только государству, которое не потворствует интересам узкого круга олигархических структур, а действует в интересах национальной экономики. Более того, если государство не возьмет на себя ответственность и инициативу в решении давно назревших структурных проблем, то в нашей стране этого не сможет сделать больше никто. Ни российская элита, увеличивающая и без того колоссальный разрыв с остальным обществом, что отрывает ее от реальных проблем экономики и лишает способности адекватно мыслить, ни частный бизнес, устремившийся в погоню за прибылями.

Незрелая предпринимательская среда в российской практике, так же, как и активно навязываемые ценности чрезмерного потребления в обществе без государственного ориентира несовместимы с такими понятиями, как нравственность и социальный эффект. В такой ситуации частные инвесторы будут стремиться вкладывать накопленные средства в наиболее привлекательные для своего дальнейшего обогащения виды деятельности, которые либо совсем не представлены на

российском рынке (а это значит лишь одно: капитал будет уходить за рубеж), либо общественно бесполезны. При этом подобные инвесторы зачастую не брезгают даже теми видами деятельности, которые явно следовало бы отнести к незаконным, поощряя тем самым распространение теневого сектора.

О невозможности осуществления структурных перестроек, всецело полагаясь только на мотивы и стимулы участников хозяйственной деятельности в условиях свободного рынка, свидетельствует и многочисленный мировой опыт, описанный в трудах современных ученых [7–9]. К слову, либеральная модель развития экономики безуспешно была реализована в России в 1990-е гг., однако не принесла прогрессивных результатов и для современной российской экономики.

Справедливости ради отметим, что важность структурной перестройки, а также ускоренного технологического развития России неоспорима в научных кругах, однако не все существующие подходы способны создать для этого необходимые условия. Так, например, высказываемая в научной литературе точка зрения относительно необходимости реализации стратегии догоняющей модернизации с преимущественным использованием передовых западных образцов и разработок [10–12] на практике представляется малоперспективной. В действительности развитые страны мира мало заинтересованы в полной передаче своих передовых разработок и опыта нашей стране. В современных условиях серьезной конфронтации России с западными странами речь может идти не более чем о предоставлении права на использование конечного продукта либо ограниченного тиражирования этого продукта. Именно поэтому реализация представленной перспективы развития вряд ли способна в конечном счете превратить нашу страну в экономически независимую, передовую в технологическом отношении державу мира.

Отстаиваемая некоторыми учеными перспектива привлечения зарубежных специалистов для модернизации экономики по опыту «новых индустриальных стран» Азии

⁵ Кудрину на замену. Что предложат Путину вместо концепции «ленивой экономики».
URL: <https://lenta.ru/articles/2016/07/26/altreconomy>

также должна быть поставлена под сомнение. Во-первых, так называемые «новые индустриальные страны» Азии на этапе структурной перестройки не просто не имели соответствующих специалистов, а не обладали самой системой подготовки таких кадров, поэтому кто-то на начальных этапах, а кто-то до сих пор вынужден пользоваться услугами западных ученых. При этом не стоит забывать и о заинтересованности развитых стран мира в формировании необходимых научно-производственных кадров в целях переноса в эти страны производств, ставших для западных государств менее эффективными. Во-вторых, вряд ли авторитетный ученый на Западе, где ему максимально созданы все необходимые условия, поступится своим положением и придет работать в Россию. Не исключено, что при совпадении интересов двух сторон это может быть реализовано лишь в отдельных случаях. Однако вряд ли стоит создавать условия для массового явления. Гораздо важнее в целях противодействия оттоку человеческого капитала из России, который в настоящее время принимает угрожающие значения, возродить систему подготовки национальных высококвалифицированных кадров для промышленности, а также обеспечить всестороннюю помощь и поддержку российским ученым.

Отдельно стоит сказать и о бесперспективности идей, высказываемых в адрес необходимости создания условий для масштабного привлечения иностранных инвестиций как основного источника осуществления модернизационных процессов в российской экономике. В качестве весомого аргумента приведем тот факт, что Россия, несмотря на официально взятый курс по привлечению иностранного капитала в страну, продолжает терять свою инвестиционную привлекательность. Об этом свидетельствует продолжающееся увеличение отрицательного сальдо поступивших и вывезенных из страны прямых инвестиций⁶. Более того, те инвестиционные средства, которые направляются в отечественную экономику, в

основном аккумулируются в добывающем секторе [13], способствуя дальнейшему закреплению экспортно-сырьевой модели развития.

Учитывая данное обстоятельство, основным источником запуска структурной модернизации российской экономики должны стать внутренние финансовые ресурсы, наиболее важным шагом на пути формирования которых будет создание эффективного механизма межотраслевого перелива капитала из высокодоходных отраслей российской промышленности, извлекающих из своей деятельности ренту, в приоритетные отрасли развития, испытывающие недостаток инвестиционных средств.

Перелив капитала должен осуществляться через налоговый механизм путем введения дополнительных налоговых платежей на сверхдоходы собственников, которые, в свою очередь, будут аккумулироваться в специально созданных с этой целью государственных бюджетных фондах. В частности, в ведение фондов должно перейти не только аккумулирование рентных налогов, но и дальнейшее их перераспределение по приоритетным отраслям промышленности.

В настоящее время в российской практике налогообложения, единственным рентным налогом является НДС. Однако он скорее выполняет фискальную функцию и служит целям воспроизводства минерально-сырьевой базы, нежели обеспечивает межотраслевой перелив капитала. НДС уплачивается со стоимости или количества добытого полезного ископаемого, что не позволяет ему непосредственно участвовать в перераспределении сверхдоходов собственников. Косвенные налоги также не выполняют перераспределительной функции, поскольку закладываются производителями в цену продукта и фактически перекладываются на конечных потребителей.

Таким образом, единственным налогом в России, уплачиваемым собственниками добывающих предприятий с прибыли, остается налог на прибыль. Однако его

⁶ Россия в цифрах 2017: стат. сб. М.: Росстат, 2017. С. 434–435.

уровень гораздо ниже, чем в других странах сопоставимых с Россией по доле сырьевого сектора. Так, например, в Норвегии помимо базового налога на прибыль, установленного в размере 27% (в России – 20% при примерно сопоставимых уровнях рентабельности), существует еще и налог на дополнительный доход от продажи топлива (51%). Таким образом, в совокупности в государственный бюджет через налоговый механизм поступает порядка 78% всех нефтегазовых доходов норвежских добывающих компаний.

Очевидно, что в российской экономике в настоящее время отсутствует эффективный механизм изъятия и перераспределения сырьевой ренты, которая в условиях нехватки прочих государственных ресурсов, могла бы выступить в качестве основного источника финансирования структурной модернизации. Так, по оценкам Е.Т. Гурвича, несмотря на некоторые позитивные тенденции в перераспределении ренты в пользу государства (в частности, вследствие введения НДС), оно все еще не получает и 40% общей ее величины. Важным обстоятельством, которое должно быть положено в основу налоговой политики России, является тот факт, что ученый выступает за отказ от политики мягких бюджетных ограничений, которые наряду с монопольным положением сырьевого сектора могут служить одним из сдерживающих факторов для осуществления модернизации в России [14–16].

В целом рентный налог должен представлять собой плату государству как владельцу земли и ресурсов части дохода от продажи этих ресурсов после возмещения всех понесенных затрат. Только чистый доход как объект налогообложения в данном случае представляется наиболее адекватным показателем. Так, рентный налог должен быть установлен к той сумме дохода, получаемого собственником добывающего предприятия, которая находится за пределами отраслевой нормы прибыли, то есть фактически превышает нормативную прибыль, установленную, в частности, как индивидуальный показатель для каждого предприятия с учетом технико-технологических

и природных факторов производства. Ставка рентного налога может быть дифференцирована в зависимости от условий функционирования предприятия и величины получаемого сверхдохода. При этом в российской действительности рентные налоги не должны замещать существующий налог на прибыль.

Таким образом, вопреки господствующим мнениям относительно принципов и источников структурной перезагрузки российской экономики, наиболее целесообразным в современных условиях является необходимость сосредоточения усилий на активизации внутренних резервов. В целях запуска внутреннего механизма структурного преобразования национальной экономики в основу стратегии структурной модернизации должны быть положены следующие принципы.

1. Преобразование экономики на эволюционных началах исходя из национальных интересов и национального своеобразия.
2. Ключевая роль государства как двигателя структурной модернизации и основного субъекта регулирования механизма превращения сбережений в инвестиции и межотраслевого перелива капитала, организатора государственно-частного партнерства.
3. Сочетание как прямого (централизованного), так и косвенного воздействия государства на экономику.

В рамках централизованного воздействия государства на хозяйственные процессы требуется создание системы государственного прогнозирования и индикативного планирования, которые, как показывает мировой опыт, представляют собой наиболее эффективные инструменты достижения и поддержания рациональных пропорций в экономической структуре в условиях серьезной подвижности внешней среды и подрыва регулирующей роли рынка транснациональными олигополистическими структурами.

4. Обеспечение реиндустриализации национальной промышленности на основе долгосрочной промышленной политики.

В частности, перспектива реиндустриализации должна быть реализована на основе развития гражданских отраслей обрабатывающей промышленности, призванных удовлетворить внутренние общественные потребности товарами отечественного производства. Не менее важной задачей должно стать и обеспечение развития высокотехнологичных отраслей машиностроительного комплекса, от которых в целом будет зависеть технологическая платформа материального производства. Целевым ориентиром в данном аспекте является доведение доли представленных отраслей в структуре ВВП России до современного уровня «новых индустриальных стран» Азии, что соответствует порядка 40%.

В настоящее время следует констатировать, что машиностроительный комплекс, являющийся системообразующим элементом всех отраслей промышленности и определяющий в целом технологический уровень экономики, в России фактически развалился. Современная доля машиностроения в общей структуре промышленного производства России не сопоставима ни с одним значением индустриально развитых государств. Так, доля машиностроительной отрасли в структуре материального производства Республики Корея составляет 45%, Германии – 41, Китая – 34, США – 30%⁷, в России современное значение представленного показателя не достигает и 20%⁸.

Снижение научно-технического потенциала и обусловленная этим деградация промышленного производства в России привела к серьезной зависимости от импорта по ряду жизненно важных товаров народного потребления. Существенно возросла доля и по импорту машинотехнических изделий и технологий, представляя в современных

условиях серьезнейшую угрозу технологическому суверенитету страны. Суммарная доля только импорта машин, оборудования и технологий в товарной структуре импорта России составляет около 50%⁹.

Способность к осуществлению инновационной деятельности и созданию инноваций в России также находится на довольно низком уровне. Более того, значения показателей инновационной активности отдельных отраслей российской промышленности демонстрируют полную технологическую несостоятельность. К таким отраслям следует отнести добывающие отрасли, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, ряд отраслей обрабатывающей промышленности, нацеленных на массовое производство товаров народного потребления. Уровень инновационной активности представленных отраслей гораздо ниже даже не самых высоких в мире средних значений по российской промышленности. В целом же совокупный удельный вес промышленных предприятий, осуществляющих инновационную деятельность, в России составляет порядка 9,5%, в то время как самый низкий показатель уровня инновационной активности отдельных европейских государств – не менее 30%¹⁰.

Как следствие, Россия заметно отстает от развитых и развивающихся стран мира по объему и доле в мировом экспорте машиностроительной продукции. Так, удельный вес машиностроительной продукции в товарной структуре экспорта России составляет 5% против 30–45% в развитых странах и 47–53% – в развивающихся¹¹. Доля инновационной продукции в структуре экспорта России занимает порядка 5,5%, однако такая цифра – ничто по сравнению с показателями того же Китая – 47%¹².

⁹ Россия в цифрах 2017: стат. сб. М.: Росстат, 2017. С. 487.

¹⁰ Россия в цифрах 2017: стат. сб. М.: Росстат, 2017. С. 333–336.

¹¹ Россия и страны мира 2016: стат. сб. М.: Росстат, 2016. С. 366–367.

¹² Российский инновационный индекс / под ред. Л.М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2011. С. 22.

⁷ Россия и страны мира 2016: стат. сб. М.: Росстат, 2016. С. 160–161.

⁸ Россия в цифрах 2017: стат. сб. М.: Росстат, 2017. С. 217–238.

5. Ввиду сложившегося положения России в мировом сообществе, характеризующего отсутствием возможности создания в ближайшей перспективе российских конкурентоспособных аналогов в ряде отраслей и достижения впоследствии технологической независимости, особое значение приобретает необходимость формирования национальных высокотехнологичных и технотронных производительных сил с опорой преимущественно на собственный научно-технический потенциал и ресурсы.

Озвученная перспектива, в частности, не предполагает полного отказа от использования зарубежного опыта и технологий, чего и не может произойти в современных условиях. В конечном счете не исключена возможность и необходимость использования передовых образцов иностранного опыта в случае их соответствия национальной специфике. Однако только ускоренное развитие материальной сферы экономики, создание прогрессивной промышленной инфраструктуры на базе национальной технологической платформы будет максимально соответствовать национальным интересам, и являть собой истинное развитие.

Справедливости ради отметим, что в целях формирования и распространения передовых технологических укладов в России уже создан и существует ряд институтов. Речь идет прежде всего о таких институтах, как Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий «Сколково», ГК «Роснано», Фонд развития промышленности, различные технопарки. Однако несмотря на десятилетнюю практику функционирования институтов создания и развития технологий, заметных прогрессивных изменений в данном направлении практически не ощущается. Более того, по данным Росстата одними из самых убыточных видов деятельности в российской промышленности, как ни парадоксально, по-прежнему остаются наиболее востребованные в мире наукоемкие и высокотехнологичные производства. Так, совокупный убыток предприятий

производства транспортных средств и оборудования в 2015 г. достиг максимума в российской промышленности и составил 90 607 млн руб. При этом предприятия сырьевого сектора, а также торговые предприятия стабильно имели прибыли, которые по итогам 2016 г. составили 2 185,9 и 2 306,4 млрд руб. соответственно¹³.

Очевидно, что на пути повышения эффективности созданных институтов существуют серьезные проблемы, и причин тому достаточно много. Это и нецелевое использование бюджетных средств, и невостребованность создаваемых технологий на внутреннем рынке, и безответственность высшего руководства, отягощенная коррупционной составляющей. Только в рамках функционирования ГК «Роснано» известно немало фактов хищения бюджетных средств, финансирования проектов, не связанных с высокими технологиями. Недоумение вызывает и показатель соотношения результативности представленных институтов с затратами бюджета на их создание. Только в 2010 г. на реализацию проектов «Сколково» и «Роснано» из бюджета было выделено 60 и 130 млрд руб. соответственно, а в целом на финансирование Российской академии наук пошло не более 50 млрд руб. [17]. Не без основания ученые постоянно задаются вопросами *«зачем тратить средства на строительство нового города и создание новых групп ученых и инженеров, если в стране уже построено и существует более десятка наукоградов (Зеленоград, Обнинск, Новосибирск, Томск, Пущино и др.), которым для успешной работы необходимо прежде всего финансирование для покупки современного оборудования и увеличения зарплаты научным сотрудникам?»* [17].

В том виде, в котором в настоящее время существуют институты создания и распространения передовых технологических укладов, они вряд ли способны принципиально изменить ситуацию с техническим отставанием России,

¹³ Россия в цифрах 2017: стат. сб. М.: Росстат, 2017. С. 383–385.

деиндустриализацией и засильем импортных машин. Требуется кардинальное изменение формы и содержания подобных институтов. Более того, усилия должны быть сконцентрированы не на создании отдельных институтов и не на принятии мер по улучшению предпринимательской среды как панацеи от всех структурных проблем, а на формировании *опорных точек технологического развития национальной экономики* при инициативе государства и непосредственном его участии.

Вряд ли кто-то из экономических агентов в России кроме государства сможет взять на себя такую миссию, а значит, нет никакого смысла в создании очередной частной корпорации и уж тем более – передаче оставшейся части государственного имущества в частные руки. В российских условиях требуется переход к более гибким и, соответственно, более эффективным формам производственных отношений. Не разделяя идеи абсолютизации частной собственности в национальной экономике, наиболее прогрессивной формой мы видим *государственно-частное партнерство*, которое может быть реализовано через создание *национальных отраслевых и межотраслевых корпораций как опорных точек технологического развития*. Серьезным шагом на пути создания национальных корпораций могут стать *государственные бюджетные фонды*, приоритетным направлением в деятельности которых должно стать финансирование таких корпораций. На практике это будет выглядеть как сотрудничество государства от лица специальных фондов с частными компаниями в качестве долевого участников (собственников).

Необходимость господства частной формы собственности в российской экономике и, в целом, ее эффективность давно уже ставятся в научной среде под большое сомнение. В частности, достаточное количество публикаций С.С. Губанова, А.А. Амосова, О.С. Сухарева, Л.П. Орленко, С.А. Толкачева и многих других посвящены именно этому вопросу. Так, С.С. Губанов замечает, что «в

системе межотраслевого взаимодействия вертикально интегрированная цепочка производства конечной продукции с высокой долей добавленной стоимости может включать различные формы собственности – и государственные, и не государственные» [2]. Отдельными исследователями идея абсолютизации частной формы собственности в экономике признается как пережиток XIX в. [18].

Мировая практика также наглядно демонстрирует тот факт, что прогрессивного развития некогда отстающие государства сумели достичь на основе индикативного планирования в экономике, реализуемого в том числе и через механизм партнерства государства и частного бизнеса. Преобладание корпоративной частной формы собственности наблюдается в настоящее время и в развитых капиталистических странах мира. Так, например, в Великобритании еще в 1992 г. была разработана концепция частной финансовой инициативы, основная цель которой состояла в привлечении частных компаний с их капиталом к созданию и эксплуатации объектов социальной и производственной инфраструктуры, находящихся в государственной собственности [19]. В рамках данной концепции государству отведена роль инициатора, гаранта и самого непосредственного финансового участника этого процесса. Подобный опыт применяется и в Германии. С этой целью правительство Германии разрабатывает различные стратегии и ежегодно выделяет на их реализацию до 10 млрд долл. США [20].

Учитывая, что часть рисков принимает на себя государство, такой формат сотрудничества будет весьма выгоден частным предприятиям, которые смогут беспрепятственно войти в состав корпорации. Однако для повышения заинтересованности частных компаний в присоединении к национальным корпорациям считаем необходимым предусмотреть ограниченное участие государства в финансировании акционерного капитала и, следовательно, в получении доли прибыли. Так, доля государства в акционерном капитале

корпорации должна быть не менее 1/3 и не более 50%. При этом государству также будет выгодно данное сотрудничество, поскольку часть получаемой прибыли от деятельности корпораций сможет оставаться в распоряжении фонда, и как вариант – реинвестироваться в развитие этой же корпорации или направляться на реализацию других проектов.

Национальные отраслевые корпорации должны быть реализованы по принципу вертикальной цепочки создания готовых товаров, то есть контроль над бизнес-процессами, инфраструктурой, технологиями на всех этапах производства от сырья до конечного продукта с доставкой его до потребителя возлагается на единую управляющую компанию. При этом создание конкретной национальной корпорации должно осуществляться путем одновременного формирования двух секторов: научно-исследовательского и производственного. Формирование производственного сектора целесообразно начинать со слияния с предприятиями, производящими сырье и выпускающими продукцию, необходимую для каждого этапа создания конечного продукта с высокой долей добавленной стоимости. То есть, следуя логике вертикальной интеграции, в рамках национальной корпорации произойдет аккумуляция субъектов хозяйствования от добычи сырья до торговых посредников.

Научно-исследовательский сектор корпораций должен опираться на уже существующие исследовательские институты и научные центры. В их числе должны быть и ГК «Роснано», «Сколково», технопарки и региональные отделения РАН, которые по заказу корпорации будут проводить научные исследования и создавать инновации (производственные, технологические, маркетинговые, управленческие и прочие).

Одновременно с этим внутри каждой национальной корпорации целесообразно ввести определенные налоговые льготы как, например, освобождение от уплаты НДС на всех этапах создания и реализации готового

продукта. Данная мера позволит снизить налоговую составляющую в цене продукта, что, в свою очередь, обеспечит запуск механизма повышения ценовой конкурентоспособности отечественной продукции на внутреннем рынке.

Создание национальных корпораций позволит, *во-первых*, подчинить деятельность добывающих компаний, вошедших в ее состав, задачам структурной модернизации, а не личным целям собственников. В частности, вследствие ограничения получаемой ими доли прибыли как за счет установления нормы рентабельности, которая не должна превышать значений рентабельности на этапе создания конечного продукта, так и за счет ее частичного распределения в пользу государства.

Во-вторых, создание корпораций позволит выправить имеющиеся диспропорции между производственными отраслями и сферой обмена путем существенного сокращения торгово-розничного звена, которое чрезмерно раздуто в российской экономике. Следует понимать, что всем действующим субъектам торгово-розничного звена не удастся войти в состав корпорации; абсолютно очевидно, что те, кто не войдут в ее состав, окажутся менее конкурентоспособными и защищенными, что приведет к потере их позиций на рынке и, соответственно, к банкротству.

В-третьих, значительное сокращение посреднического звена приведет к перераспределению трудовых ресурсов в пользу производственных секторов. Способствовать этому должна и мера по выделению целевых бюджетных мест в высших и средних специальных учебных заведениях на специальности и направления подготовки согласно кадровым производственным потребностям национальных корпораций.

В-четвертых, это позволит строго согласовать научную деятельность и ее результаты с потребностями производства конкретной корпорации, что обеспечит и спрос на инновации, которые на первых порах будут создавать корпорации.

С точки зрения морально-этической стороны основным принципом стратегии структурной модернизации России должна стать всевозможная пропаганда этического производства и потребления.

6. Этика производства и потребления – относительно новое в нашем мире понятие – должно быть также положено в основу стратегии структурной модернизации российской экономики. Под этическим производством и потреблением принято понимать систему ценностей, направленную на отказ от потребления продукции, при производстве которой был нанесен существенный вред окружающей среде, использовался незаконный труд или нарушались условия труда работников, применялись вещества, способные причинить вред здоровью и жизни человека [16]. Последствия ухудшения экологической ситуации ввиду неэтичного производства и как результаты потребления являются одними из самых коварных и до конца непредсказуемых для человечества. Именно поэтому в целях обеспечения экологического аспекта безопасного развития структурная модернизация российской экономики должна

базироваться на принципах гуманности, бережливости, безотходности, трудо- и ресурсосбережения.

В качестве резюме стоит отметить, что представленные принципы и направления реализации стратегии структурной модернизации ориентированы прежде всего на необходимость выправления сложившихся структурных диспропорций и достижения впоследствии такой экономической структуры, которая позволит обеспечить нашей стране статус экономически независимой, передовой в технологическом отношении державы мира. Социально-экономический эффект стратегии структурной модернизации должен заключаться в создании общества нового типа, в котором главной целью станет не получение прибылей любыми путями, невзирая на последствия, а сохранение безопасной окружающей среды, повышение уровня и качества жизни населения за счет организации безотходных производств, бережное использование ограниченных и не возобновляемых ресурсов, применение передовых производительных сил, отвечающих мировым стандартам экологичности.

Список литературы

1. *Осокина Н.В., Слесаренко Е.В.* Структурные диспропорции как угроза экономической безопасности России // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2016. Т. 10. № 2. С. 124–139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/strukturnye-disproportsii-kak-ugroza-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossii>
2. *Губанов С.С.* Кризисные реалии России и их преломление в оценках правительства (анализ статьи Д. Медведева) // *Экономист*. 2015. № 10. С. 3–51.
3. *Дзарасов С.С.* Российский кризис: истоки и уроки // *Вопросы экономики*. 2009. № 5. С. 69–85.
4. *Амосов А.А.* Можно ли отложить до 2017 г. поворот к новому индустриальному развитию // *Экономист*. 2015. № 3. С. 3–13.
5. *Кучуков Р.А.* Безальтернативность плановой неоиндустриальной модели // *Экономист*. 2015. № 4. С. 18–28. URL: <http://elib.fa.ru/art2015/bv1038.pdf>
6. *Рязанов В.Т.* Возможности и условия преодоления стагнации отечественного хозяйства // *Экономист*. 2015. № 6. С. 3–19.
7. *Акерман Е.Н.* Трансформация государственной экономической политики в условиях «новой экономики»: монография. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2011. 174 с.
8. *Ложникова А.В.* Есть ли пределы сокращения доли участия государства в экономике? Макроэкономический подход и профсоюзы «против» макроэкономической стабильности // *Вестник Томского государственного университета. Сер. Экономика*. 2016. № 3. С. 252–265. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/est-li-predely-sokrascheniya-doli-uchastiya-gosudarstva-v-ekonomike-mikroekonomicheskiiy-podhod-i-profsoyuzy-protiv-makroekonomicheskoy>
9. *Супян В.Б.* Современная социально-экономическая модель США // *Международные процессы*. 2005. Т. 3. № 8. С. 28–39.
10. *Голиченко О.Г.* Модели развития, основанного на диффузии технологий // *Вопросы экономики*. 2012. № 4. С. 117–132.
11. *Полтерович В.М.* Стратегии модернизации, институты и коалиции // *Вопросы экономики*. 2008. № 4. С. 4–24.
12. *Диденко Д.В.* Инновационное и догоняющее развитие: две стратегии модернизации российской интеллектуалоемкой экономики // *Экономическая политика*. 2011. № 1. С. 158–169.
13. *Могилат А.Н.* Прямые иностранные инвестиции в реальный сектор экономики: взгляд с микроуровня и прогноз до 2017 года // *Вопросы экономики*. 2015. № 6. С. 25–44.
14. *Гурвич Е.Т.* Нефтегазовая рента в российской экономике // *Вопросы экономики*. 2010. № 11. С. 4–24.
15. *Гурвич Е.Т., Соколов И.А.* Бюджетные правила: избыточное ограничение или неотъемлемый инструмент бюджетной устойчивости // *Вопросы экономики*. 2016. № 4. С. 5–29.
16. *Шабанова М.А.* Этичное потребление в России: профили, факторы, потенциал развития // *Вопросы экономики*. 2015. № 5. С. 79–103.

17. Орленко Л.П. Необходимые условия новой индустриализации и импортозамещения // *Экономист*. 2015. № 4. С. 29–35.
18. Многоуровневый анализ формирования инновационной экономики: мир-система, регион, предприятие: монография / под ред. В.А. Логачева, Е.Е. Жернова. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2014. 331 с.
19. Варнавский В.Г. Новая концепция государственно-частного партнерства в Великобритании // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. № 8. С. 67–75.
20. Толкачев С.А. Две модели неоиндустриализации: Германия – «Индустрия 4.0», США – «Промышленный интернет» // *Экономист*. 2015. № 9. С. 13–23.

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

KEY PRIORITIES OF THE STRUCTURAL MODERNIZATION POLICY IN TODAY'S RUSSIA

Ekaterina V. SLESARENKO

Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev (KuzSTU), Kemerovo, Russian Federation
slekvlad@mail.ru
ORCID: not available

Article history:

Received 10 January 2018
Received in revised form
28 January 2018
Accepted 20 February 2018
Available online
15 May 2018

JEL classification: O14, O25,
O38

Keywords: structural
modernization, State budgetary
funds, national corporation,
public-private partnership

Abstract

Importance It is especially vital for Russia to improve the mechanism for adjusting the structure of the national economy. The existing structural disparity may cause the loss of economic, technological, political sovereignty and undermine social welfare. The issue is crucial for Russia as it is a cornerstone for its progressive and safe socio-economic development.

Objectives I formulate key principles and priorities of the strategy for structural modernization of the Russian economy through the consistent macroeconomic policy of the State pursuing the reindustrialization and technification of the national economy.

Methods The research is based on methods of comparative and statistical analysis.

Results The modern national economic system completely fails to drive the progressive and secure socio-economic development. The continuing profound deindustrialization, public differentiation make the government take decisive measures to ensure Russia's socio-economic development. The structural modernization strategy draws upon such principles as an increasing role of the State as a driver of structural modernization, regulator of the mechanism for converting savings into investment, cross-sectoral floating of capital and promotion of responsible production and consumption.

Conclusions and Relevance Structural modernization of the Russian economy becomes feasible if the State acts as a regulator, thus respectively formulating principles and scope of its economic policy. The structural modernization policy is driven by the effective mechanism for intensive economic development through reindustrialization. Utilizing the inner potential and resources, national productive forces shall integrate high technology in their processes.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2018

Please cite this article as: Slesarenko E.V. Key Priorities of the Structural Modernization Policy in Today's Russia. *National Interests: Priorities and Security*, 2018, vol. 14, iss. 5, pp. 897–912.
<https://doi.org/10.24891/ni.14.5.897>

Acknowledgments

I express my gratitude to Natal'ya V. OSOKINA, Doctor of Economics, Professor of the Economics Department at the Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, my research supervisor, for her valuable advice and guidance on the article.

References

1. Osokina N.V., Slesarenko E.V. [Structural disproportions as a threat to economic security of Russia]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, no. 2, pp. 124–139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/strukturnye-disproportsii-kak-ugroza-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossii> (In Russ.)
2. Gubanov S.S. [Russia's crisis realities and their refraction through the lens of governmental assessments: Analysis of D. Medvedev's article]. *Ekonomist = Economist*, 2015, no. 10, pp. 3–51. (In Russ.)

3. Dzarasov S.S. [The crisis in Russia: Sources and lessons]. *Voprosy Ekonomiki*, 2009, no. 5, pp. 69–85. (In Russ.)
4. Amosov A.A. [Is it possible to postpone a turn to a new industrial development until 2017?]. *Ekonomist = Economist*, 2015, no. 3, pp. 3–13. (In Russ.)
5. Kuchukov R.A. [No alternative to the planned neo-industrial model]. *Ekonomist = Economist*, 2015, no. 4, pp. 18–28. URL: <http://elib.fa.ru/art2015/bv1038.pdf> (In Russ.)
6. Ryazanov V.T. [Possibilities and conditions for overcoming the stagnation of the national economy]. *Ekonomist = Economist*, 2015, no. 6, pp. 3–19. (In Russ.)
7. Akerman E.N. *Transformatsiya gosudarstvennoi ekonomicheskoi politiki v usloviyakh 'novoï ekonomiki': monografiya* [Transformation of the State economic policy under the new economy: a monograph]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2011, 174 p.
8. Lozhnikova A.V. [Are there any frameworks for the reduction of State participation in economy? Microeconomic approach and trade unions versus macroeconomic stability]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Ekonomika = Tomsk State University Journal of Economics*, 2016, no. 3, pp. 252–265. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/est-li-predely-sokrascheniya-doli-uchastiya-gosudarstva-v-ekonomike-mikroekonomicheskiiy-podhod-i-profsoyuzy-protiv-makroekonomicheskoy> (In Russ.)
9. Supyan V.B. [The contemporary socio-economic model in the USA]. *Mezhdunarodnye protsessy = International Trends*, 2005, vol. 3, no. 8, pp. 28–39. (In Russ.)
10. Golichenko O.G. [Models of development based on technology diffusion]. *Voprosy Ekonomiki*, 2012, no. 4, pp. 117–132. (In Russ.)
11. Polterovich V.M. [Strategies of modernization, institutions and coalitions]. *Voprosy Ekonomiki*, 2008, no. 4, pp. 4–24. (In Russ.)
12. Didenko D.V. [Innovative and catching-up development: Two strategies for modernizing the Russian knowledge-intensive economy]. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, 2011, no. 1, pp. 158–169. (In Russ.)
13. Mogilat A.N. [FDI inflows into Russian real sector: Microeconomic foundations and forecasting]. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 6, pp. 25–44. (In Russ.)
14. Gurvich E.T. [Natural rent in the Russian oil and gas sector]. *Voprosy Ekonomiki*, 2010, no. 11, pp. 4–24. (In Russ.)
15. Gurvich E.T., Sokolov I.A. [Fiscal rules: Excessive limitation or indispensable instrument of fiscal sustainability]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 4, pp. 5–29. (In Russ.)
16. Shabanova M.A. [Ethical consumption in Russia: Profiles, factors, and perspectives]. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 5, pp. 79–103. (In Russ.)
17. Orlenko L.P. [Necessary conditions for new industrialization and import substitution]. *Ekonomist = Economist*, 2015, no. 4, pp. 29–35. (In Russ.)
18. *Mnogourovnevyy analiz formirovaniya innovatsionnoi ekonomiki: mir-sistema, region, predpriyatie: monografiya* [Multilevel analysis of the originating innovative economy: The world–system, region, enterprise: a monograph]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2014, 331 p.

19. Varnavskii V.G. [A new concept of public-private partnership in the UK]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = *World Economy and International Relations*, 2014, no. 8, pp. 67–75. (In Russ.)
20. Tolkachev S.A. [Two models of new industrialization: Germany – Industry 4.0, USA – Industrial Internet]. *Ekonomist* = *Economist*, 2015, no. 9, pp. 13–23. (In Russ.)

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.